

НЕКРАСОВ И ДОБРОЛЮБОВ

I

Первые статьи Добролюбова в "Современнике" появились в момент наивысшего расцвета критико-публицистической деятельности в нем Чернышевского, когда печатались уже "Очерки гоголевского периода русской литературы", сыгравшие такую исключительную роль в определении новой эстетической "позиции журнала. Добролюбов был моложе Чернышевского, он был не только его последователем, но и учеником, сформировавшим свои убеждения как из его статей, так и непосредственно из личных бесед с ним. На долю Добролюбова поэтому выпало укрепление позиций, занятых Чернышевским, и развитие основных положений его критики. Точно так же и по отношению к Некрасову. Добролюбову оставалось укрепить и углубить уже определившееся и оказавшееся влияние Чернышевского. Большую услугу в этом оказали ему установившиеся между ними личные отношения.

На пороге своей критической деятельности Добролюбов не только не мог, разумеется, предполагать, что вскоре станет главным критиком в лучшем передовом журнале, но даже и не рассчитывал на исключительно литературную работу, хотя давно уже чувствовал к ней тяготение. Связанный после смерти родителей материальными заботами о своих братьях и сестрах, он должен был думать о приискании такого места, которое обеспечило бы ему прочный и твердый заработок. Учился он в то время в СПб. Педагогическом институте и готовился к педагогической деятельности. Вот что писал он сестре еще 25 апреля 1856 года, т. е. всего лишь за два месяца до начала первой своей работы в "Современнике", о своих частных уроках: "Я теперь каждый день засыпаю спокойно, уверенный, что не без пользы провел его; я постоянно теперь полон счастливой уверенности, что никому я не в тягость и даже могу быть полезным для других... Труды же моя не бог знает какие. Я только должен передавать другим то, что сам знаю. Это ведь особенного труда не составляет. Для меня же это очень полезно, потому что я, по своему назначению, должен быть учителем гимназии: теперь, давая уроки, я и приучаюсь учить детей, приобретаю навык к этому делу. Значит, и для будущего труды мои не пропадут" {"Материалы для биографии Добролюбова", т. I, М., 1890 г., No стр. 303. }.

Из этого отрывка мы видим, что педагогическая деятельность увлекала его, как отвечающая на его стремление принести пользу обществу, помимо того, что она представлялась ему в то время наиболее осуществимой, тогда как всякую другую работу, - научную, литературную, - он вынужден был рассматривать как подсобную. Перелом в этом представлении его о будущем жизненном пути был вызван тем успехом, который выпал на долю первых статей, принесенных им в редакцию "Современника", в частности статьи о "Собеседнике любителей русского языка" (NoNo 7 и 8 1856 г.), в которой при разборе отрицательных сторон русского общества XVIII века делались определенные намеки на современную жизнь. Благодаря этим статьям он сблизился с литературными кругами, где сразу заметили в нем не только обширные познания, но и недюжинный талант. Исключительно литературная деятельность уже не представлялась ему столь несбыточной, и накануне окончания Педагогического института 3 апреля 1857 года он уже писал своему дяде Мих. Ив. Благообразову: "Я совершенно раздумал служить в Нижнем; все мне советуют остаться в Петербурге, и я сам вижу, что здесь *топу* быть несравненно полезнее для моих сестер и братьев. У меня здесь теперь знакомств множество; профессора меня знают как человека умного, и этим, конечно, нужно пользоваться, пока они не успели забыть меня; я пишу и перевожу и довольно близок к некоторым литературным кругам; следовательно, здесь для меня готовы хоть сейчас же все средства к жизни, - не уроки, так служба, не служба - так литература. Особенно литература - почетный, полезный и выгодный род занятий. Мне даже как-то странно иногда думать, что небольшим усилием я в день могу выработать месячное твое жалованье. Суди сам, должен ли я отказываться от этого {Там же, стр. 362.}..."

Кто же советовал Добролюбову остаться в Петербурге и заняться всецело литературным трудом? Ответ на это дает в своем подстрочном примечании опубликованный цитированный письмо Чернышевский: "Существенную важность имел тут, разумеется, голос Некрасова, сказавшего Николаю Александровичу, что просит его писать в "Современнике" сколько успеет, чем больше, тем лучше".

Правда, из скромности Чернышевский умалчивает здесь с влиянии своих бесед с Добролюбовым, но нельзя не согласиться с тем, что для начинающего литератора всего важнее было такое предложение со стороны редактора журнала, обеспечившее ему при более или менее добросовестном отношении к делу постоянный и, как доказывают приведенные строки письма, не маленький заработок.

Согласно воспоминаниям А. Панаевой, Некрасов с первого же дня знакомства с Добролюбовым оценил его незаурядную образованность и начитанность. Первые статьи молодого критика, повидимому, убедили его, как редактора, что это, кроме того, человек с большим талантом и передовыми взглядами, совпадающими с направлением журнала, что это человек нужный. Как бы то ни было, после окончания Добролюбовым Педагогического института двери редакции "Современника" были для него уже открыты. С сентября 1857 года он и приступает энергично к работе. Чернышевский отказывается в его пользу от разбора литературных произведений, чтобы избежать, по его словам, невыгодного для себя "сравнения, и оставляет за собой статьи преимущественно по экономическим вопросам.

На плечи Добролюбова, таким образом, легла большая и ответственная работа. О количестве выполненной им работы можно судить по тому, что в 1858 и 1859 от. почти вся библиография в "Современнике" была "написана им, кроме того он участвовал в отделе "Современное обозрение", помещал большие критические статьи и с начала 1859 года вел сатирическое приложение к "Современнику" - "Свисток", писавшийся также по большей части им самим.

Смелые и ядовитые статьи Добролюбова, острие которых было направлено против всего современного социально-политического строя, вызвали большой интерес со стороны читателей-разночинцев, увидевших в нем своего Идеолога.

Как относился к его работе Некрасов?

25 декабря 1857 года он уже писал Тургеневу:

"Читай в Совр[еменнике] критику, Библиогр[афию], Совр[еменное] Обозр[ение], ты там найдешь местами страницы умные и блестящие: они принадлежат Добролюбову, человек очень даровитый" {Пыпин, "Н. А. Некрасов", СПб. 1905 г.}.

Вскоре Некрасов "нашел возможность облегчить для Добролюбова сношения с редакцией, сняв для него квартиру в том же доме, где жил и сам, и прорубив сообщение между этими двумя квартирами. Таким образом, Добролюбов стал каждый день видаться с Некрасовым, и это как нельзя более способствовало их сближению.

Разумеется, сближение произошло на почве их общей работы в "Современнике", судьба которого им обоим была близка в одинаковой степени. Положительно можно утверждать, что никто из сотрудников Некрасова, за исключением, быть может, Чернышевского, не относился так горячо к "Современнику", как Добролюбов. Он работал совершенно не жалея своих сил, потому что видел в нем единственный журнал, проповедовавший радикальные идеи и способствовавший тем самым проведению их в жизнь. В письмах к друзьям Добролюбов с гордостью говорил об идеологической платформе "Современника". Если бы Некрасов вздумал сам изменить взятый курс, он приобрел бы, вероятно, в лице Добролюбова непримиримого врага; напротив, защищая и отстаивая новое радикальное направление, данное журналу разночинцами, Некрасов тем самым становился лучшим его другом. В одном из писем к приятелю И. И. Бордюгову (от 5 сент. 1859 г.) Добролюбов подчеркивает энергию Некрасова, как редактора, дающую надежду, что, несмотря на цензурные гонения, "Современник" "до конца года выдержит свое направление" {"Материалы для биографии Добролюбова", стр. 529.}. Однако этой энергии хватило у Некрасова настолько, что журнал его до самого прекращения остался на своей позиции.

Забываясь о сохранении журнала, Добролюбов оберегал его от каких бы то ни было материальных потрясений. Однажды в январе 1860 года, когда Добролюбову понадобились

деньги, он написал Некрасову: "Николай Алексеевич. Если вы можете, без стеснений для себя, дать мне 500 рублей займа, то дайте, пожалуйста, *но только с тем, что-бы это не имело совершенно никакого отношения к "Современнику"* {"Заветы", 1913 г., No 2.}.

А 23 августа 1861 года Добролюбов из-за границы высказывал Некрасову свои опасения, что "цензура к С[овременни]ку не хороша, и это на денежную часть может иметь большое влияние" (т. е. отрицательно подействует на подписку). В том же письме попадаются такие, например, характерные строчки: "Не умею вам и сказать, как бы я рад был за вас и за себя, если бы вы за границу поехали. Только как же "Современник"-то? Он мне тоже близок и дорог".

Сам дорожа "Современником", Некрасов искренно привязался к Добролюбову, так горячо преданному их общему делу. Когда в 1860 г. надломленный работой Добролюбов заболел чахоткой, Некрасов вместе с Чернышевским уговорил его поехать за границу лечиться, гарантируя ему предоставление необходимых средств в счет будущей его работы в "Современнике". И в мае 1860 года Добролюбов отправился.

Но вскоре его испугала цифра его долга, выросшая уже до 5 750 рублей, и 20 июля (нового стиля) он уже писал Некрасову:

"Сейчас получил я ваше письмо, Николай Алексеевич, и очень кстати: сегодня я в хорошем положении, по случаю прекрасной погоды, и потому могу вам отвечать несколько толково. А когда идет швейцарский дождь и небо делается совсем петербургским, а я должен сидеть, затворив окна, один в комнате, совершенно один, без всякого ангела, - тогда я начинаю немного метаться и пускаюсь в философию, предписывающую смотреть на жизнь, как на нечто весьма ничтожное.

Недавно в таком расположении я написал к Чернышевскому письмо следующего содержания: "Конечно, мне полезно и нужно было бы прозимовать за границей, но так как отсюда писать не совсем удобно (главное по незнанию петербургского ветра), а я уже и то Современнику очень много должен, то я считаю необходимым возвратиться, чтобы заработать свой долг и потом умереть спокойно".

Расчет этот я и теперь признаю "весьма благородным"; но как (меня поотпустило немножко, то я и нахожу, что он сделан очень накоротке. Кажется, лучше будет рассчитывать более на долгих. Вместе с погодой и с несколькими прогулками по Альпам ко мне пришло некоторое сознание своих сил и надежды на будущее. Теперь я думаю: что за беда, если я задолжаю вам лишнюю тысячу в этом году (больше тысячи не будет разницы против того, как если бы я был в Петербурге), зато в следующем году буду в состоянии крепче работать. Не ручаюсь, впрочем, чтобы это расположение было во мне прочно. По временам на меня находят такие горькие мысли, что я не знаю, куда мне деваться. Не мудрено, если в одну из таких минут я приму решительное намерение удрать в Россию и удеру.

Вы, может быть, спросите: точно ли нужно мне оставаться за границей. По совести сказать вам: нужно. Моя поездка до сих пор принесла мне только ту пользу, что дала мне почувствовать мое положение, которое в Петербурге я не сознавал за недосугом. Грудь у меня очень расстроена, да оказалось, что и нервы расслаблены совершенно почти каждый день мне приходилось делать над собой невероятные усилия, чтобы не плакать, и не всегда удается удержаться. И не то, чтобы причина была, - а так, какое-то неопределенное недовольство, какие-то смутные желания одолевают, воспоминания мелькают, и все вместе так тяжело.

Не знаю, как будет дальние, но теперь здоровье мое идет к лучшему, только медленно, и вот почему я убежден, что двух месяцев мне недостаточно для настоящего поправления. Надо бы в сентябре отправиться к морским купаньям куда-нибудь в Средиземное море, а потом зиму прожить в Италии. Горько *тне* одно: что Свистка опять издавать не будем из-за этого. Как вы на этот счет думаете? Напишите мне письмо решительно: приезжать или остаться. Я положусь на ваше решение".

Получив это письмо 18 июля (по старому стилю), Некрасов в тот же день послал ответ Добролюбову:

"Часа три тому назад получил ваше письмо; утешительного в нем немного. Эх, постарался человек уходить себя! Это поскорей моего. Но коли дело поправимое, то надо поправлять. Прежде всего отвечаю на ваш вопрос: *приезжать* или *оставаться*. Оставаться за границей - вот мой ответ, а вы при этом помните наши слова, следующие за вопросом: *я положусь на ваше решение*. Итак, это дело конченное... Теперь dokonчу о деле, которое вас особенно устрашает, о деньгах. Я если б вас меньше знал, то мог бы даже рассердиться. За кого же вы нас принимаете: я уже вам не раз говорил, что ваше вступление в "Современник" принесло ему столько пользы (доказанной цифрой подписчиков в последние годы), что нам трудно и сосчитаться, и, во всяком случае, мы у вас в долгу, а не вы у нас. Счеты пойдут тогда, когда почему-нибудь наши дела упадут: тогда конечно вы будете получать меньше, хоть работать и больше. Какие же иные могут быть между нами условия и отношения? Итак, единственная мера в настоящем случае *возможность*, а я уже вам сказал, что вы можете в нынешнем году получить до 6 т[ысяч] р. с[еребром]

В частично уже цитированном августовском письме Добролюбов недоумевал, что это за странный расчет, почему именно 6 тысяч, и настаивал на сохранении по листной оплаты.

Тогда, понимая, как все это волнует щепетильного в денежных делах Добролюбова, в их переговоры вмешался Чернышевский. Он урегулировал положение тем, что возбудил вопрос перед Некрасовым о предоставлении ему и Добролюбову части прибылей с журнала. Вот как впоследствии в письме к Добролюбову от 4/16 дек. 1860 г. Чернышевский рассказывал о своих переговорах с Некрасовым:

"Разговор был такого рода, что я дал ему прочесть некоторые отрывки из Вашего письма и спросил, что он об этом думает. Он отвечал, что напрасно Вы беспокоитесь относительно денег, что деньги для Вас всегда найдутся, и лег спать. Хорошо. Я отправился к нему через день. Он возобновил разговор сам: "Что же написать Д.? Пусть он сам определит условия". - "Это бесполезно, он не такой человек, чтобы определить". - "Хорошо; он может получать 3 000 р. сверх того, что придется ему за работу". - "Не лучше ли было бы делить доход?" - "Я так и сам давно думал, что надобно, что делить на 4 части между нами {Т. е. Некрасовым и Ив. Панаевым.} и Вами с Д.". - "Хорошо он, - сказал я".

Чистый годовой доход журнала составлял в это время 17 тысяч р. Таким образом, теперь оклад Добролюбова составлял уже более 4 тысяч в год, "кроме по листной платы (50 р. за печатный лист).

Любопытны слюда Чернышевского в этом же письме о Некрасове:

"Он очень умный человек и, главное, видит все насквозь, точно сейчас знает, чем - кончится дело, и прямо говорит, что нужно, чтобы не вести напрасного разговора. Вас он действительно любит и вполне ценит. Мы говорили с ним самым ласковым тоном, как будто он очень доволен,-- да и в самом деле, он не претендует, потому что сам понимает вещи отлично" {"Переписка Чернышевского" с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым", под ред. Н. К. Пиксанова. Изд. "Моск. Раб.", стр. 85.}

Не меньшую привязанность чувствовал и Добролюбов к Некрасову. Даже такому близкому человеку, каким был для него Чернышевский, он писал 12 июня 1861 г. о Некрасове: "Ведь кроме Вас да его, у меня никого нет теперь в Петербурге. В некоторых отношениях он даже ближе ко мне" {Там же, стр. 108.}

Несомненно, эта личная близость была обусловлена идейным сближением между ними, почвой для которого послужило особое положение, занятое Добролюбовым в "Современнике".

Некрасов не только старался материально помочь Добролюбову: он предоставил ему полную свободу действий в библиографическом отделе и "Свистке", и Добролюбов вскоре действительно занял самостоятельное и независимое положение, вмешиваясь иногда даже в редакционные дела. Вот что писал он Некрасову {Письмо это приводится нами только в основной его части. Полностью оно опубликовано В. Княжниным в "Заветах" 1903 г., No 2, где, однако, фамилия Колбасина заменена буквой К.}, повидимому - в 1859 году:

"Николай Алексеевич.

Я прочитал рецензию г. Колбасина на "Север" и, полагая, что Вы непременно хотите печатать творения его по части библиографии, - возблагодарил свое упрямство, заставившее меня вычеркнуть свое имя из объявления о "Современнике".

Посылаю Вам эту рецензию; дайте ее, если хотите, в типографию. Моя просьба состоит только в одном: нельзя ли под ней подписать имя или хоть буквы Колбасина. А то найдутся люди, которые на меня же свалят все пошлости этого писателя, так как известно, что библиография всегда составляется мною.

Ваш Н. Добр."

Некрасов считался с мнением Добролюбова. К этой записке ответ он приписал тут же карандашом:

"Зачем же вы на меня-то злитесь за то, что Колбасин пишет плохо? Я его взял на случай нашего отъезда и думал, что вы ему внушите, чтоб он не пускался в рассуждения. Рецензию {При опубликовании настоящего письма слово это было Княжниным не разобрано и напечатано в виде "..... тся".} просто бросить да и Колбасина тоже".

Как видно из этой приписки, Некрасов не колебался пожертвовать сотрудникам при одном намеке на неудовольствия со стороны Добролюбова. Это сильное личное влияние Добролюбова сказалось и на разрыве Некрасова со старыми сотрудниками "Современника".

Мы не будем останавливаться на подробностях разрыва, которые в достаточной мере освещены в ст. "Некрасов и Тургенев". Для нас представляют особый интерес лишь та исключительная роль, которая выпала в этом разрыве на долю публицистической деятельности Добролюбова, и вопрос о постепенном втягивании им в эту полемику Некрасова.

Добролюбова бесили разглагольствования представителей старшего поколения о том, что времена переменялись к лучшему, что настала пора постепенного прогресса, осуществляемого сверху при поддержке со стороны печати, которая должна изобличать отдельные злоупотребления и недочеты. Как представитель радикально настроенной разночинной интеллигенции, он считал вредным заниматься такими мелочами, как злоупотребления и недочеты, когда неудовлетворительна вся социальная система в целом, когда решались такие важные вопросы, как крестьянский, и неизвестно было, как они еще решатся; он понимал, что такая позиция, при постепенно усиливавшемся в тот момент цензурном давлении, явно обрекала литературу на витиеватое, оптимистическое празднословие.

С начала 1859 года Добролюбов повел решительные атаки против этих "прогрессистов". В No No 1 и 3 "Современника" он напечатал статью "Литературные мелочи прошлого года", в которой строго разграничил два лагеря и, раскрыв пустословие и непрактичность "старшего поколения, заявил, что находившемуся прежде в союзе с ним молодому поколению больше с ним не по пути.

Крупнейшим орудием в руках Добролюбова оказался и "Свисток" - сатирическое приложение к "Современнику", возникновение которого совпало его времени с появлением в печати "Литературных мелочей".

Во вступлении к No 1 "Свистка", помещенному в No 1 "Совр." 1859 г., Добролюбов прямо заявил, что он собирается освистывать юношеским свистом современных деятелей литературы, представляющих в своих произведениях "неисчерпаемое море прекрасного и благородного" и "прославляющих ныне русскую землю".

Более определенно эта позиция была объявлена в программе, представленной в цензурный комитет, когда Добролюбов в июле 1859 г. думал выделить "Свисток" в отдельную сатирическую газету. "Доселе все поражали рутинистов, - говорится в программе, - но "Свисток" предполагает себе задачу не щадить и неразумных прогрессистов, так как они ложными толкованиями и безрассудными применениями могут повредить делу общественного просвещения не менее людей самых отсталых и невежественных" {"Современник" 1911 г., No 11, стр. 271 (ст. Е. Аничкова и В. Княжнина "Дела и дни Добролюбова").}.

Цензурный комитет не разрешил этого издания, и "Свисток" попрежнему остался при "Современник", но цитируемая программа полностью осуществлялась и здесь.

Чем же было вызвано желание добролюбовского "Свистка" самоопределиться?

При самом поверхностном сопоставлении можно видеть, что "Свисток" был значительно радикальнее "Современника", в котором еще работали старые сотрудники, принадлежавшие к "старшему поколению". Добролюбов занял в своих отделах внутри "Современника" более или менее независимую позицию *но* отношению к самому "Современнику". М. Лемке в примечаниях к сочинениям Добролюбова приводит следующий любопытный факт: в No 6 "Свистка" Добролюбов напечатал довольно едкую пародию на стихотворение Случевского, появившееся в No 3 "Соврем." за 1860 г. Довольно редкий случай в истории журналистики, когда (помещенное "с самыми добрыми намерениями произведение высмеивается на страницах того же журнала.

Не менее замечателен другой известный пример этой самостоятельности Добролюбова: в No 35 журнала В. Р. Зотова "Иллюстрация" за 1858 год была напечатана клеветническая антисемитская статья против Чацкого и Горвица. Это вызвало шумный протест со стороны русских литераторов. Протест подписали также Некрасов и Чернышевский. Но Добролюбов в No 1 "Свистка" поместил "Письмо из провинции", в котором заявил, что не время поднимать шум из-за таких мелочей, так как каждому известно, что клевета гнусна, и доказывать эту истину грозным протестом значит бить впустую; "напротив, такие протесты играют на руку клеветникам, привлекая, в связи с полемикой, интерес, напр., к "Иллюстрации", о существовании которой мало кто помнил. Тут же высмеял он, что ради такого пустого дела соединились люди всех партий и направлений, в том числе Чернышевский с Ф. Булгариным и Н. Львовым.

Добролюбов не прочь был подчеркнуть и прежние промахи Некрасова.

Первая статья "Литературных (мелочей прошлого года)" заканчивалась "résumé" прекрасных мыслей, постоянно высказывавшихся в нашей литературе. "Мы не скажем читателю, - писал Добролюбов, - откуда извлекли эту тираду; но верно каждый из современных литературных деятелей, прочитав ее, признается, что тут и его "хоть капля меду есть"... И Некрасов мог найти в "résumé" и свою "каплю меду" в том месте, где говорится о Крымской войне: "едва кончилась эта внешняя борьба под русскою Троею-Севастополем..." В No 8 "Совр." за 1855 т. Некрасов поместил свою рецензию на книжку "Осада Севастополя или таковы русские", в которой писал: "Несколько времени тому назад корреспондент "Times" сравнивал осаду Севастополя осадой Трои. Он употребил это сравнение только в смысле продолжительности осады, но мы готовы допустить его в гораздо более обширном смысле, именно - в смысле героизма, которым "запечатлены деяния защитников Севастополя" и т. д. Следовательно, это патриотическое сравнение исходило от Некрасова.

Как относился Некрасов к непримиримой борьбе Добролюбова с "прогрессистами"?

Переход Некрасова в лагерь молодого поколения уже совершился под идейным влиянием Чернышевского, но окончательный разрыв со старыми друзьями был ускорен благодаря совместной работе его с Добролюбовым.

Еще в 1857 году они сообща написали сатирическое стихотворение, направленное против разглагольствований "прогрессистов":

Вскоре Некрасов принял участие и в составлении "Свистка". Это участие выразилось в том, что Некрасов помещал

Всевышней волею Зевеса
Вдруг пробудившись ото она,
Как быстро по пути прогресса
Шагает русская страна... и т. д.

в "Свистке" шуточные стихотворения, писавшиеся или им самостоятельно, или совместно с Добролюбовым.

В начале (мая 1859 года Добролюбов писал И. И. Бордюгову:

"Мы было принялись с Некрасовым сочинять стихотворение, которое начиналось стихом:

Душа летит в Армянский переулоч¹

Но с первых стихов оно оказалось слишком свирепым, и без достаточного повода печатать его нельзя. Подождем, пока в Армянском "переулочке" появится на нас ругательная статья, которую, говорят, Катков уже готовит" {"Материалы", стр. 507.}.

Стихотворение это не (появилось в No 3 "Свистка", для которого предназначалось, но зато Некрасов поместил в нем шуточную трагедию "Забракованные" за подписью "Чур-меня".

В No 4 "Свистка" была напечатана "Дружеская переписка Москвы с Петербургом".

В письме к И. И. Бордюгову от 4 июня 1859 г. Добролюбов отправил вариант "Петербургского послания", но затем в одном из следующих писем к нему разъяснил: "Изображение Москвы, столько тебя утравившее, принадлежит мне менее, чем наполовину. Это мы с Некрасовым однажды дурачились, и, конечно, все лучшие стихи его".

Между тем, Некрасов перед смертью продиктовал сестре записку, в которой утверждал, что "стихи "Дружеской переписки" написаны им, а Добролюбову принадлежат только шуточные примечания к ним {См. прим. К. Чуковского в "Полн. собр. стих. Некрасова" 1927 г., ст. 470.}.

Действительно, как видно из рукописи, хранящейся в Пушкинском доме, рукой Добролюбова написаны прозаическое вступление и (примечание, стихи же, приложенные сюда, написаны Некрасовым.

Любопытно, что в этой рукописи Некрасов вычеркнул такие стихи, напоминающие "Письмо из провинции" Добролюбова, о котором говорилось выше:

Там против Зотова народная подписка
Составилась... и т. д.

Возможно, что эти стихи были продиктованы Добролюбовым, не раз возвращавшимся в своих статьях к этому протесту, и затем забракованы Некрасовым.

Но Некрасов уже согласился с правотой Добролюбова, что протест этот был ни к чему. В № 5 "Свистка" он поместил четверостишие по поводу нового протеста в печати на сей раз против нападок на известного естествоиспытателя Кювье:

О гласность русская, ты быстро зашагала
Как бы в восторженном каком-то полусне:
Живого Чацкого ты прежде защищала,
А ныне добралась до мертвого Кювье.

Все это свидетельствует о сильном влиянии Добролюбова на Некрасова, оставившем глубокий след в творчестве поэта.

III

По воспоминаниям Антоновича, один из критиков прозвал поэзию Некрасова переложением в стихи статей Добролюбова. Эти слова показательны в том смысле, что современники Некрасова видели идейное сходство между его стихами и статьями молодого критика. В чем же заключалось это сходство? Прежде всего, современники находили его, по видимому, в радикальном образе мысли, защите угнетенных классов и внимательном отношении к крестьянскому вопросу. Правда, они не замечали, что эти мотивы некрасовской поэзии развивались давно, еще со времени знакомства с Белинским и, впоследствии, с Чернышевским. Но одна черта действительно развилась под непосредственным влиянием Добролюбова, - это скептическое отношение к толкам о гласности, прогрессе и недоверие к старшему поколению в том виде, как оно установилось у Добролюбова. Еще и раньше, до знакомства с Добролюбовым, Некрасов под влиянием Чернышевского иногда раздражался Филиппинами против баричей, которые "по свету рыщут, дела себе богатырского ищут, благо наследье богатых отцов освободило от мелких трудов" ("Саша"), и против "самодовольных болтунов, охотников до споров модных, в ком много благородных слов, но дел не видно благородных", но все это говорил без ясного понимания, к какой социально-политической группе (принадлежат эти люди).

После статей Добролюбова, ясно разграничившего позиции двух групп: рааночинцев-шестидесятников и кающихся дворян - людей 40-х годов, эта черта в поэзии Некрасова приобретает большую ясность. У него уже фигурируют в стихах с одной стороны "праздно-болтающие", с другой - "погибающие за великое дело любви", как два стана ("Рыцарь на час"). Позже в 1867 г. в "Медвежьей охоте" его тирада о либерале напоминает характеристику, данную Добролюбовым: это радикал на словах, а не на деле, практически бесполезный, вызвавший разочарование в молодом поколении:

Грозный деятель в теории,
Беспощадный радикал,
Ты на улице истории
С полицейским избегал;
Злых, надменных, угнетающих
Лишь презреньем ты карал,
Не спасал ты утопающих,
Но и в воду не толкал...
Ты, в котором чуть не гения,
Долго видели друзья,
Рыцарь доброго стремления
И беспутного житья.

А все стихотворения Некрасова о гласности Печати и журнальных делах ("Литературная травля", "Что поделявает наша внутренняя гласность", "Мысли журналиста", "Разговор в журнальной конторе", "Литература с трескучими фразами" и др.) носят следы влияния Добролюбова.

Добролюбов с неменьшим энтузиазмом, чем Чернышевский, относился к поэзии Некрасова, вида в ней выражение близких ему идей. 20 сентября 1859 года он писал И.

Бордюгову: "Милейший. Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить песню Еремушке Некрасова, напечатанную в сентябрьском "Современнике"... Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости. Боже мой, сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если б его не давила цензура!"

Увлечение Добролюбова поэзией Некрасова отразилось и на его собственном поэтическом творчестве. В этой области Некрасов сильнее всего влиял на Добролюбова, явившегося здесь одним из многочисленных в то время его эпигонов. Добролюбов писал стихи на те же темы, тем же размером, тем же ритмом, пользовался тем же словарем. Разумеется, качественный результат получался другой, потому что поэтический талант его был невелик, но нас в данном случае интересует только отражение в поэзии Добролюбова, как бы к ней ни относиться, мотивов и приемов творчества Некрасова.

Для того чтобы показать, насколько сильна была зависимость Добролюбова, как поэта, от Некрасова, достаточно сравнить его стихотворение "Не диво доброе влечение" (1857 г.) с известным некрасотоким стихотворением "Когда из мрака заблужденья" (1845 г.): не только одинакова тема (спасение падшей женщины), но и передача ее чрезвычайно сходна.

У Некрасова:

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убеждения
Я душу падшую извлек,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок,
.....
И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена....

У Добролюбова:

... Но ты, мой друг, мой ангел милый,
На мой призыв отозвалась;
Любви таинственной силой
Ты освятилась и спаслась.
И не забуду я мгновенья,
Как ты, прокляв свой прежний дуть,
Полна и веры и смущенья,
Рыдая, пала мне на грудь.

Другая тема лирических стихотворений Некрасова - покаяние человека, не смогушего оценить преданную любовь женщины - отразилась в поэзии Добролюбова. Сравните окончание стихотворения Некрасова "Я посетил твое кладбище" (1849 г.):

Забудусь, ты передо мною
Стоишь, жива и молода:
Глаза блистают, локон вьется,
Ты говоришь: "будь веселей".
И звонкий смех твой отдается
Больнее слез в душе моей...

со следующим окончанием стихотворения Добролюбова "Ты меня полюбила так нежно" (1858 г.):

И преступной красотой блистая,
Предо мною ты грустно стоишь
И, мне сердце тоской надрывая,
"Ты доволен ли мной?" - говоришь...
"Отчего ж ты меня не целуешь?
Не голубишь, не жижишь меня?
Что ты бледен? О чем ты тоскуешь?
Что ты хочешь? - все сделаю я..."
Нет, любовью твоей умоляю
Нет, не делай, мой друг, ничего...
Я и то уж давно проклиная
Час рожденья на свет моего.

Социальные мотивы поэзии Некрасова также, хотя и в более самостоятельном виде, нашли отражение в стихах Добролюбова. Здесь и горячее сочувствие к обездоленным (стих. "Бедняку"), и вражда к социальному неравенству ("Встреча"), и намерение идти по "тернистой дороге" ("Еще работы в жизни много").

Сходство между стихами Добролюбова и Некрасова особенно сильно чувствуется, как видит читатель из приведенных отрывков, благодаря пользованию одними и теми же размерами и ритмом и общим для обоих словарем. Повторение эпитетов Некрасова ("больной ум", "горькая жалоба", "тернистая дорога" и др.) при одинаковой мелодии создает у читающего стихотворения Добролюбова такое обманчивое впечатление, что отдельные стихи целиком описаны у Некрасова. Например:

Горькой жалобой, речью тоскливой
Ты минуту отрады мне дал:
Я среди этой страны молчаливой
Уж и жалоб давно не слыхал.
(стих. "Бедняку").

Это следование некрасовским образцам возникло несомненно на почве массового увлечения стихами Некрасова. Гражданская поэзия Некрасова добилась в это время широкого признания со стороны разночинцев; они склонны были видеть в нем даже одного из своих идейных вождей, и такая точка зрения разделялась, в первую очередь, самим Добролюбовым.

В 1860 году, когда становилась ясно, что готовящаяся аграрная реформа не только не удовлетворит крестьянство, но и вызовет с его стороны возмущение, разночинцы стали надеяться на близость революции. Добролюбов искал вокруг себя, кто же станет практическим вождем, кто поведет массы в бой. В своей статье "Когда же придет настоящий день" Добролюбов отрашивал: "... разве мало у нас врагов внутренних? Разве "не нужна борьба с ними и разве не требуется геройство для этой борьбы? А где у нас люди, способные к делу? Где люди цельные, с детства охваченные одной идеей, сжившиеся с ней так, что им нужно - или доставить торжество этой идее, или умереть?" Он не находил таких людей, но прибавлял: "Мы говорили выше о том, как наша общественная среда подавляет развитие личностей, подобных Инсарову. Но теперь мы можем сделать дополнение к своим словам: среда эта дошла теперь до того, что сама же и поможет явлению такого человека".

Некрасов в это время переживал раковую раздвоенность своей природы. Среда, в которой он очутился, среда разночинцев выдвигала его на путь революционной борьбы, но он чувствовал себя неспособным на такой решительный шаг. Это настроение отразилось в его поэме "Рыцарь на час". С одной стороны, в невошедших в печатный текст строках он высказывал революционную готовность вести за собой толпу угнетенных (см. предыдущую статью, стр. 193); с другой стороны, -- насмешливый внутренний голос твердил ему:

Покорись - о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.

Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано...

Находясь под впечатлением мыслей, сходных с приведенными в последней цитате, Некрасов послал Добролюбову, лечившемуся за границей, письмо, в котором говорил, что он, Некрасов, отжил, что он неспособен на дело и т. д. В высшей степени замечателен ответ от 23 августа, присланный Добролюбовым:

"... Я сидел за чаем и читал в газете о подвигах Гарибальди, именно о том, (какой отпор дал он Сардинскому, когда тот вздумал его останавливать. В это время принесли тут письмо ваше; я, разумеется, газету бросил и стал его читать. И подумал я: вот человек - темперамент у него горячий, храбрости довольно, воля честная, умом не обижен, здоровье от природы богатырское, и всю жизнь томится желанием какого-то дела, честного, хорошего дела. Только бы ему и быть Гарибальди в своем месте".

Это выражение "Гарибальди в своем месте", разумеется, следует понимать так же, как слова Добролюбова в статье "Когда же придет настоящий день" о роли Инсарова в русских условиях того времени, т. е. Добролюбов говорил здесь о борьбе не с внешними врагами, а с внутренними, о борьбе с самодержавием; свою мысль он поясняет следующими дальше словами:

"... Да знаете ли вы, что если бы я в мои 24 года имел ваш жар, вашу решимость и отвагу да вашу крепость, я бы с гораздо большей уверенностью судил не только о своей собственной будущности, но и о судьбе хоть бы целого русского государства... И в это время-то вы, любимейший русский поэт, представитель добрых начал в нашей поэзии, единственный талант, в котором теперь есть жизнь и сила, вы так легкомысленно отказываетесь от серьезной деятельности. Да ведь это злостное банкротство,-- иначе я не умею назвать ваших претензий на карты, которые будто бы спасают вас. Бросьте, Некрасов, право - бросьте. А то хоть другого-то не бросайте: поверьте, прок будет. Цензура ничему не помешает, да и никто не в состоянии помещать делу таланта и мысли. А мысль у нас должна же притти и к делу, и нет ни малейшего сомнения, что несмотря ни на что мы увидим, как она придет.

Я пишу вам это без злости, а в спокойной уверенности. Не думаю, чтобы на вас подействовали мои слова (например, на меня ничьи слова никогда не действовали прямо) относительно перемены образа ваших занятий, но может они наведут вас на ту мысль, что ваши вечные сомнения и вопросы: к чему, да стоит ли, и т. п. не совсем законны. Вы мне прежде говорили, да и теперь пишете, что все перемалывается, одна пошлость торжествует, и что с этим надо соображать жизнь. Вы в некоторой части своей жизни были верны этой логике; что же выпало? Хорошо? Довольны вы? Опять мне суется в голову Гарибальди: вот человек, не уступивший пошлости, а сохранивший свято свою идею; зато любо читать каждую строчку, адресованную им к солдатам, к своим друзьям, к королю: везде такое спокойствие, такая уверенность, такой светлый тон... Очевидно, этот человек должен чувствовать, что он не загубил свою жизнь, и должен быть счастливее нас с вами при всех испытаниях, какие потерпел. А между тем - я вам говорю не шутя - я не вижу, чтобы ваша натура была слабее его. Обстоятельства были другие, но теперь, сознав их, вы уже можете над ними господствовать. Вы, впрочем, сами знаете все это, но не хотите себя поставить на ноги, чтобы дело делать. А не хотите - стало быть есть тому причина; может и в самом деле неспособны к настоящей, человеческой (работе в качестве русского барича, на которого, впрочем, сами же вы не желаете походить? Чорт знает - думаю-думаю о вас и голову теряю. Кажется, все задатки величия среди треволнений; а между тем величия-то и нет-как-нет, хотя, если посмотреть издали, так треволнения-то были еще не Особенно страшны".

Нельзя отрицать, что здесь сказалась присущая юности склонность к преувеличению. Едва ли личность и общественная позиция Некрасова давали достаточно объективные основания, чтобы видеть в нем возможного вождя русской революции, "русского Гарибальди", но, во всяком случае, цитированное письмо свидетельствует о том, с какой настойчивостью пытался увлечь Добролюбов Некрасова на путь революционной борьбы, то восторгаясь его

энергией, то стыдя за малодушие. Некрасов впоследствии не мог простить себя за то, что не пошел по этому пути. Приведенное здесь письмо является последним из дошедших до нас писем Добролюбова к Некрасову. Из-за границы Добролюбов вернулся, не поправив своего здоровья, и 17 ноября 1861 года скончался.

Можно себе представить, зная их близкие личные отношения, деловую связь по журналу и общность убеждений, как тяжела была для Некрасова смерть Добролюбова. "Случилось со мной большое несчастье,-- писал 27 ноября 1861 года Некрасов даже чуждому литературных интересов человеку - священнику Зыкову,-- умер мой приятель и лучший сотрудник "Современника".

Некрасов выступил вместе с Чернышевским с речами на похоронах, затем на вечере Комитета Литературного Фонда в январе 1862 года среда студентов. Всюду он подчеркивал значение Добролюбова, читал его стихи. Одна из таких речей напечатана была в No 1 "Современника" за 1862 г., это - речь, произнесенная на вечере Литературного Фонда. "Кто - по крайней мере, теперь,-- говорил Некрасов, не согласится, что нужен был этот резкий, независимый, отрезвляющий, на дело зовущий голос?-- и прибавлял о смерти его: - Такова уж судьба русского народа: нажишучи его лучшие деятели".

На смерть Добролюбова Некрасов откликнулся и стихами: "Двенадцатое ноября 1861 года" ("Я покинул кладбище унылое") и "Памяти Добролюбова" (1864).

Мало того, образ Добролюбова отразился в ряде других произведений Некрасова. Черты Добролюбова можно видеть в герое последней главы "Кому на Руси жить хорошо" - Грише Добросклонове, сыне дьячка, готовящемся в университет, пишущем стихи и мечтающем о служении народу.

Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

До Сибири, правда, Добролюбов не дожил, потому что успел умереть от чахотки.

Упоминание о Добролюбове находим и в "Недавнем времени". Говоря о поре самообличений и пустых разглагольствований, Некрасов добавляет:

Были мы до того горячи,
Что превысили всякую меру...
Крылось что-то неладное тут,
Но не вдруг потеряли мы веру...
Призывая на дело, на труд,
Понял горькую истину сразу
Только юноша - гений тогда,
Произнесший бессмертную фразу:
"В настоящее время, когда"...

Эти слова служат признанием самого Некрасова, что влияние Добролюбова сыграло известную роль в таком важном моменте его жизни, как разрыв с людьми сороковых годов и переход в лагерь шестидесятников.

Примечания

¹ В Армянском переулке в Москве жил Катков.